

Polonskij, Vadim Vladimirovič

Вековой юбилей Гоголя: по материалам русских газет 1909 года

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
321-329

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132742>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ВЕКОВОЙ ЮБИЛЕЙ ГОГОЛЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ГАЗЕТ 1909 ГОДА

ВАДИМ ПОЛОНСКИЙ (МОСКВА)

В статье анализируются подходы к освещению событий столетнего юбилея Гоголя в четырех русских газетах 1909 года («Речь», «Слово», «Новое время», «Московские ведомости»), придерживающихся разных идеологических ориентаций. Особое внимание уделяется стратегиям ремифологизации и реканонизации образа Гоголя в этих изданиях.

Ключевые слова: Столетие Гоголя, ремифологизация, реканонизация, газеты.

The article is concerned with Gogol's centenary events coverage across four Russian newspapers of 1909 («Rech», «Slovo», «Novoe vremya», «Moskovskie vedomosti»), representing different ideological orientations. Their strategies of remythologizing and re-canonizing the phenomenon of Gogol are highlighted.

Keywords: Gogol's centenary, remythologizing, re-canonizing, newspapers.

В марте 1909 года в России праздновали столетие Гоголя. Сама дата, «круглее» которой не бывает, обязывала к особо пышным торжествам. Однако адекватно понять роль и суть гоголевских празднований можно лишь учитывая общий культурный контекст переломной эпохи «серебряного века», которая мыслила себя как «постклассическую» и принялась активно перерабатывать канон, доставшийся ей в наследство от «золотого века» классики и демократических традиций 1840-х-1880-х.

Ясно, что в наиболее чистом, стерильном и показательном виде стратегии канонизации любого классического феномена являют себя в культуре массовой, ориентированной по своей природе на автоматизм штампа и очевидность клише. В ситуации начала XX века инструментом трансляции –

и окончательного цементированья – подобных штампованных образов становились прежде всего газеты. Причем наибольший интерес с этой точки зрения представляют крупные общенациональные издания с четко выявленным политическим лицом, поскольку они были ориентированы на обслуживание определенных идеологических субкультур.

Для представления путей популярной мифологизации и культурной реканонизации образа Гоголя нами выбраны четыре репрезентативные газеты, иллюстрирующие идеологический спектр русской общественной мысли начала XX века в его узловых участках. Это, условно говоря, два правых и два левых, точнее – либеральных, издания. Правые: православно-почвеннические «Московские ведомости» и консервативное «Новое время»; левые: кадетская «Речь» и умеренно либеральное интеллигентское «Слово». При этом важно, что именно либеральные издания транслировали абсолютно господствующую в интеллигентских слоях оппозиционную по отношению к официозу точку зрения. Критика же «реакционных» изданий в контексте интеллигентской культуры начала века продолжала пребывать на периферии, но – что нужно особо подчеркнуть – именно это обусловило большую пластичность и нестандартизованность мифологизации Гоголя именно в правом лагере по отношению к устоявшемуся канону XIX века.

Для анализа были взяты номера газет за десятые-двадцатые числа марта 1909-го, т.е. вышедшие вокруг даты рождения писателя – 20 марта – и приуроченных к этому мероприятий, а также апрельские номера, отзывавшиеся на открытие знаменитого андреевского памятника Гоголю в Москве 26 апреля того же юбилейного года.

В целом газеты создают впечатляющую картину торжеств, по своим масштабам чуть ли не превосходящих столетний юбилей Пушкина 1899 года. Что вполне понятно, учитывая их злободневный контекст: за несколько месяцев до того, в августе – сентябре 1908-го, мощная общественная волна празднований 80-летия Л. Н. Толстого вызвала достаточно откровенную реакцию по «сдерживанию юбилейных штормов» со стороны властей и официальных институтов, что лишь способствовало поляризации общества. В этой ситуации понятным выглядело желание официоза «реабилитироваться», противопоставив великому юбиляру-«ересиарху» не менее великого юбиляра, «преданного Церкви и Отечеству».

Хотя все четыре газеты пишут об одних и тех же событиях, идеологические предпочтения издателей заставляют их, естественно, по-разному расставлять акценты. Так, сам официальный, общегосударственный характер гоголевских торжеств велит либеральному «Слову» отнестись к ним настороженно, с недоверием и сознательно снизить планку. В результате воз-

никает почти комическое: «Скромно будет это празднование», – пишет неизвестный автор заметки «Гоголь и провинция» и далее нехотя перечисляет более чем внушительный список памятных начинаний в честь писателя, вряд ли сопоставимых с любым иным юбилеем. Но поскольку фактически за торжествами стоят власти, а не представители радикальной фронды, берущей на вооружение традиции гоголевского обличительства, вывод для журналиста ясен: «Не видно живого увлечения, не чувствуется подъема»¹.

Еще более истовая в своем кадетском либерализме «Речь», представляя длинный перечень памятных гоголевских мероприятий, также находит, в чем упрекнуть официальные сферы, и с возмущением пишет об административном отказе Обществу образования Коломенской и Спасской частей в устройении вечера памяти Гоголя в помещении петербургской биологической лаборатории. Мотив отказа – тезис, что «помещение лаборатории не является подходящим для таких вечеров», – не кажется газете убедительным². Равно как газете «Слово» представляется крайне реакционным решение властей Екатеринослава перенести празднования юбилея с 19, 20 и 21 марта, дней страстной седмицы 1909 года, на послепасхальный период³.

Но это, так сказать, лишь событийный фон. Гораздо важнее концептуальное осмысление фигуры писателя в юбилейной газетной публицистике. И здесь отобранные газеты являют четыре разных стратегии канонизации и массовой мифологизации образа Гоголя. Охарактеризуем каждую из них.

Начнем с «Московских ведомостей». Это православно-почвенническое издание отводит Гоголю больше всего места. При этом и по жанру и по концептуализации образа писателя материалы газеты отличаются от статей в консервативном столичном «Новом времени» и уже откровенно противостоят публикациям либеральных «Речи» и «Слова». Очевидна установка редакции на представление Гоголя как своего, московского писателя, глубоко чуждого холодному чиновно-западническому Петербургу и не случайно обретшему последнее упокоение у теплых православных святынь Первопрестольной. Такое «усыновление» газетой писателя влечет за собой нарочито серьезный, почти академический по форме подход к представлению юбилейных материалов. Только в «Московских ведомостях» статьи о Гоголе сопровождаются библиографическими, источниковедческими ссылками и развернутыми примечаниями. Только здесь публикуются архивные докумен-

¹ Гоголь и провинция. Слово. 20 марта. 1909. № 742, с. 7.

² Неразрешение гоголевского вечера. Речь. 21 марта. 1909. № 78, с. 3.

³ Гоголь и провинция. Там же.

ты⁴, биографические материалы⁵, пространный разбор гоголевских занятий этнографией и историей России⁶ и т.п. За всем этим, очевидно, стоит желание подчеркнуть объективность предлагаемого взгляда на Гоголя, противопоставляемого народническо-демократическим и либеральным концепциям «раздвоенности» писателя, «сгубившей» его «трагедии разлада» между даром реалистического бичевания и религиозными химерами – плодами «реакции» и «душевной болезни».

В целом в газете Гоголь представлен сугубо цельной фигурой. Все этапы его творчества – от «Вечеров на хуторе...» до «Выбранных мест...» и вторичного сжигания «Мертвых душ» – под пером авторов «Московских ведомостей» слагаются в единство судьбы православного художника, взыскующего жертвенного подвига и высокого идеала. Программная статья А. Басаргина «Гоголь и его „дело жизни“» представляет это единство в виде диалектической схемы, где тезис «веселых» «Вечеров» и антитезис «картин людской пошлости» «Мертвых душ» вершатся религиозным синтезом «Переписки»⁷.

«Московские ведомости» моделируют благочестивый романтизированный образ писателя, всячески затушевывая категорию трагической раздвоенности в каноничной интеллигентской мифологеме Гоголя. Этот образ наделяется соответствующими семантическими атрибутами, в частности – высокого скитальчества, посвятительного странствования в духе чуть ли не православного Вильгельма Мейстера. Именно так представлено дело в программной для юбилейного номера статье Aventino «Гоголь в Риме»⁸. Подобный лакированный примиренно-одухотворенный образ плохо вязался с засвидетельствованными документами драматичной внутренней, духовной жизнью писателя, с самим фактом сожжения «Мертвых душ», да и с его неудачей в создании образа, используя выражение другого классика, «положительно прекрасного человека». И показательно, что разрешение коллизии

⁴ А. С. Хомяков о Н. В. Гоголе. Речь по случаю возобновления публичных заседаний Общества Любителей Российской словесности (Читана 26 марта 1859 г.). Московские ведомости. 20 марта 1909, № 65, с. 5; Неизданное письмо Н. В. Гоголя к Ю. Ф. Самарину (Из архива Самариных). Рим, 3 Генв. 1846. Там же; Письмо Ю.Ф. Самарина к брату Н. Ф. Самарину по поводу кончины Гоголя. Москва, 18 марта 1852 г. Там же.

⁵ AVENTINO: Гоголь в Риме. Московские ведомости. 20 марта 1909, № 65, с. 4-5.

⁶ ГЕОРГИЕВСКИЙ, Г.: Труды Гоголя по изучению России. Московские ведомости. 20 марта 1909. № 65, с. 2-3.

⁷ Московские ведомости. 20 марта 1909, № 65, с. 2-3.

⁸ См. прим. 5.

авторы главного печатного органа «почвеннической» Москвы находили в категориях, отчетливо отсылающих не к национальным истокам, а к йенскому романтизму, как то делает В. А. Истомин, указывая, что, хотя Гоголь не создал положительного героя, «из мира презренной жизни он все-таки сумел выделить три путеводные светоча: религию, искусство и природу»⁹.

Совершенно иначе моделируется юбилейный образ Гоголя в другой правой газете – «Новом времени». Буренинские традиции желчи и провокативного цинизма, свойственные этому петербургскому изданию, не только превратили название газеты в жупел для так называемой передовой интеллигенции, но и предопределили идеологическое несовпадение ее позиций с подходами елейно-верноподданнических «Московских ведомостей». И, как ни парадоксально, нововременский взгляд на Гоголя оказался самым неожиданным, наименее клишированным, наименее ориентированным на канонизированный штамп – и наиболее близким тем новаторским стратегиям модернистской мифопоэтизации писателя, которые выстраивались в символистских кругах.

Тому есть и вполне конкретное, простое объяснение: именно в «Новом времени» на литературные темы писал В. В. Розанов, чьи оценки Гоголя оказали определяющее влияние на символистскую гоголиану, во многом сформировали ее язык и понятийный аппарат. Гоголь, по Розанову 1890-х – 1900-х, – при всех внезапных и порой дерзких колебаниях мысли критика – неизменно выступает воплощением гениально-деструктивной иррациональности, духовным «некрофилом», «мертвой душой», «чертом», «оборотнем», которому на последних глубинах неизменно враждебно человеческое, живое и который потому *volens nolens* превращает людей в «мертвецов» и «кукол».

Ясно, что такие аттестации не могли попасть в юбилейный номер газеты. Но попавшее туда – статья «Гений формы» – опять же выявляет едкую амбивалентность гоголеведческой оптики. У Гоголя, пишет Розанов, «содержания почти нет, или – пустое, ненужное, неинтересное. Не представляющее абсолютно никакой важности. Форма, то, как рассказано, – гениальна до степени, недоступной решительно ни одному нашему художнику, по яркости, силе впечатления, удару в память и воображение, она превосходит даже Пушкина, превосходит Лермонтова»¹⁰. Как видим, концепт «двойст-

⁹ ИСТОМИН, В. А.: Николай Васильевич Гоголь. Московские ведомости. 26 апреля 1909, № 94, с. 4-5.

¹⁰ Гений формы. Новое время. 20 марта 1909, № 11861, с. 3-4. Эти розановские идеи неоднократно отзывались в критической гоголиане вплоть до Набокова с его лишенным ссылки на первоисточник знаменитым утверждением о том, что творчество автора «Шинели» „is

венности», «антиномичности» Гоголя, отвергаемый православно-почвеннической и художественно не искушенной критикой «Московских ведомостей», в эстетско-правом розановско-«нововременском» изводе выведен в центр и акцентирован особо.

Розановская «модель Гоголя» – продукт утонченной модернистской мифопоэтизации, но ее низовым, варваризованным идеологическим коррелятом выступает опять же клишированный – в правом, «антидемократическом» лагере – взгляд на писателя как создателя не просто сатирических, а химерических образов, в сущности клеветующих на Россию, инфицировавших ее разъедающим смехом и тем самым ослепивших национальное самосознание фантазмагорическими монстрами. И вполне неслучайными поэтому смотрятся такие слова в редакционной заметке в том же номере: «Насмешив Россию, он подсказал ей, что это смех сквозь слезы, и Россия включила в свой разговор необыкновенно великих людей Городничего, Хлестакова, Собакевича, Чичикова, Манилова, Ноздрева, Коробочку и проч. До Гоголя никто не подозревал существования этих господ, а после него они появились везде и Русь хлестала себя как плетью этими именами и очень мало стремилась к тому, чтобы познать себя и при помощи других источников»¹¹. В этом контексте должно восприниматься, к примеру, и телеграфное сообщение в газете «Слово» о том, что в Киеве среди членов ультраправого Союза русского народа произошел раскол по поводу празднования юбилея Гоголя, «так как часть союзников сомневается в истинном патриотизме писателя»: «Чествование в виду раскола отложено вплоть до выяснения вопроса в соединенном собрании всех правых организаций»¹².

Но наиболее ярким выступлением в «розановском русле», выступлением, получившим к тому же большой резонанс, стала статья М. Меньшикова «Драма Гоголя», опубликованная днем позже в том же «Нового времени». Критик движется вслед Розанову с определяющей установкой на верность традициям русской консервативной эстетики линии К. Леонтьева. Органическому аристократизму Пушкина, благодарно принимавшего жизнь в ее данности «как факт природы, как гегелевское сущее», он противопоставляет демократизм Гоголя – «первого отрицателя русской жизни», «захохотавшего мефистофельским обличением». Развивая свою мысль, Меньшиков прибегает к гомеровскому образу: «Когда Терсит вздумал

a phenomenon of language and not one of ideas“ (NABOKOV, V.: Nikolai Gogol. New York, 1944, p. 54).

¹¹ Новое время. 20 марта 1909, № 11861, с. 3.

¹² По телеграфу. Слово. 20 марта 1909. № 742, с. 4.

в кругу героев немножко подло подшутить над их злоключениями, на плечи шута опустился золотой скипетр Одиссея. Так высокое смиряло низость <...> Гоголь явился на переломе двух настроений и более, чем кто-нибудь, чувствовал в себе раскол души. С одной стороны, по некоторым наиболее глубоким свойствам своей натуры это был благороднейший аристократ: человек пламенной веры и пламенного героизма, с другой – это был невольный плебей, внимание которого было приковано к смешному, пошлому, карикатурному <...> в душе Гоголя величие Патрокла было в неустанной борьбе с терситовским смехом. Вот разгадка его драмы. В Гоголе все время шел пограничный, решительный бой старого аристократизма с демократией, духа величия и восторжествовавшей пошлости»¹³.

Появление этой статьи вызвало бурю негодования в либеральных изданиях. Громы и молнии метали едва ли не все издания кадетского направления. То, что исподлобья в либеральном лагере прощалось лукавому и, по слову Андрея Белого, «хитрому нараспашку» Розанову, принятому в домах по обе стороны идеологического фронта, последовательному нововременцу Меньшикову с рук не сходило. В традициях российского освободительного и либерально-интеллигентского дискурса из выступления критика оказались изъяты два слова – «аристократизм» и «демократия», – и независимо от целого всей статьи их противопоставление было превращено в этикетку идейной проказы. При этом не обращалось внимания на то, что меньшиковская мотивировка гоголевского творчества как глубинной драмы раздвоенности по сути вписана в канон образа писателя, сформированный демократической критикой XIX века: разница лишь в знаке отношения к одной из сторон его наследия – гротескно-сатирической либо христианско-идеалистической.

В самом умеренно-профессорском «Слове» канонический образ писателя строился на той же предпосылке драматической раздвоенности, усложненной установкой на необходимость ее преодолеть в либеральной примиряющей модели ремифологизации. Причем газету заботило примирение противоречий в контексте канонических представлений не просто о Гоголе, а обо всем литературном ландшафте классики. Для этого дисгармоничного, метущегося Гоголя нужно было уравновесить, для чего идеально годился Пушкин – конечно, не реальный, а ясный и хорошо усвоенный массами Пушкин-миф с венцом «солнца русской поэзии» на челе. В программных статьях И. Щеглова¹⁴ и Л. Гуревич¹⁵, как и в ряде более мелких материалов,

¹³ МЕНЬШИКОВ, М.: Драма Гоголя. Новое время. 21 марта 1909, № 11862, с. 3.

¹⁴ ЩЕГЛОВ, И.: Пушкин у Гоголя на Мещанской. Слово. 19 марта 1909, № 741, с. 3-4.

создавалась романтическая картина высокого литературного дружества двух писателей, методично проецируемая на один идеальный образец – Гете и Шиллера. Либеральная критика, как бы в пику размышлениям Меншикова, формировала лакированный миф о «божественном дуумвирате» русской литературы, в котором один «умиротворял», дарил «равновесием» и «освобождением от гнетущих кошмаров», а второй, умиротворяясь и равновесие обретая, выражал «трагическую глубину» в «образах прозрачных и цельных»¹⁶. Вместо нововременской антитезы аристократа с принимающей мир улыбкой и демократа с разъедающей усмешкой – синтетический союз классика-наставника и романтика-ученика, «русские Гете и Шиллер» в эдемскую пору истории национальной литературы до грехопадения – выстрела Дантеса. Впоследствии этот мифологизированный образ оказался особо созвучен массовой советской интеллигентской романтике шестидесятнической закваски.

Что до респектабельной кадетской «Речи», то здесь, с одной стороны, по понятным причинам печатались действительно этапные для большой русской критической гоголианы тексты, как, например, «Дитя Гоголя» Блока (выступление поэта на юбилейном вечере, организованном Лигой образования в Дворянском собрании)¹⁷. Но с другой – статьи такого рода резко выделялись на общем фоне господствующих материалов, в которых методично воспроизводился стерильный вариант демократического канона восприятия Гоголя в духе зальцбруннского письма Белинского с последовательным развитием упреков «гениальному обличителю» за падение в реакцию, – развитием в разные стороны, в том числе в сторону марксистского социологизма. Параллельно предлагался целый набор хлестких диагнозов «реакционной болезни» классика.

Тему задавал Овсяннико-Куликовский: «У Гоголя не было ни политического воспитания, ни политического смысла»¹⁸. За ее разработку брался М. А. Славинский: «Обладая малоподвижным умом и будучи слабым философом, Гоголь не способен был дать серьезного обоснования всему тому, что воспринимало его художественное чутье»¹⁹. А вершил сюжет Н. И. Коробка, без обиняков объяснявший симптомы «малой подвижности ума»

¹⁵ ГУРЕВИЧ, Л.: Гоголь и Пушкин. Слово. 20 марта 1909, № 742, с. 3-4.

¹⁶ Там же, с. 3.

¹⁷ Речь. 20 марта 1909, № 77, с. 2.

¹⁸ ОВСЯННИКО-КУЛИКОВСКИЙ, Д.: Гоголь. Речь. 20 марта 1909, № 77, с. 2.

¹⁹ Вечер общества народных университетов. Там же, с. 3.

мелкопоместным происхождением Гоголя – носителя соответствующего вырожденческого сознания²⁰.

Наконец, следует отметить еще один важный аспект. Канонизация Гоголя в печати 1909 года сопровождалась многочисленными примерами актуализации «гоголевского текста» и его включения в злободневный общественно-политический дискурс в качестве инструмента полемики. Причем по прямо противоположным векторам в правой и левой печати.

Так, для понимания фона выступлений правой прессы нужно помнить, что весна 1909 года в европейской политике отмечена аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Россия в лице слабого министра иностранных дел Извольского была вынуждена признать аннексию. Внутри страны практически всеми политическими силами это было воспринято как вопиющий позор, «вторая Цусима», свидетельство полного банкротства всей имперской политики. В данном контексте те же «Московские ведомости» в своей передовице помещают риторические ламентации о предательстве дела Гоголя, прозревавшего великое призвание России: «Много пошлости и ничтожества показал Гоголь в русском человеке, но в свое время он видел все-таки Россию великую, и славную, и грозную среди народов земных. А мы? Где приделы позоров, которых мы еще не испытали? Русское имя сделалось посмешищем всего мира»²¹.

Если правые в полемике пускают в ход, так сказать, смысловый потенциал гоголевских лирических отступлений и транскрибируют его в область политики, то левые то же делают с гоголевскими гротесками и своих оппонентов методично аттестуют персонажами «Мертвых душ» и «Ревизора».

Дискурс русских общественно-политических газетных споров на протяжении 1909 года все больше движется в сторону буквальную стилизации под Гоголя.

По прошествии столетия после вековой годовщины Гоголя поводов для таких остроактуальных стилизаций под классика, понятное дело, меньше не стало. Вот только стилизовать уже разучились. Как и отмечать юбилеи.

²⁰ В литературном обществе. Речь. 21 марта 1909, № 78, с. 3.

²¹ Что сказал бы о нас Гоголь. Московские ведомости. 20 марта 1909, № 65, с. 1.

